

Ю. Б. Орлицкий

СТИХИ И СХЕМЫ: ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТЕТИЗМА
РУССКОГО ПОЭТА-СТИХОВЕДА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Я хотел бы обратить ваше внимание на одно явление русской поэтической культуры, которое на первый взгляд не вполне органично для русской поэтической культуры. Это явление — введение в текст произведения его метрической схемы. Мы читаем не только стихи: изначально автор-поэт нам предлагает и схему этого произведения. Подобного рода произведения встречаются достаточно часто. Существует ряд признаков, которые позволяют такие произведения объединить. Прежде всего, это явление связано с тем, что мы как-то традиционно недооцениваем роль биполярности личности многих наших поэтов, которые одновременно являлись и специалистами-стиховедами. Как справедливо писал Д. С. Лихачев в заключении к книге «Прошлое — будущему» (Л., 1985), «давно установлено, что <...> личность поэта и его поэзия слиты (в сильнейшей степени у Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина и др., в меньшей степени у Фета)». И далее, в этом же абзаце: «Личность и ее труды особенно сильно связаны у ученых в гуманитарных науках».

Исходя из этого положения, можно предположить, что личность тех из русских поэтов, которые одновременно выступали и как теоретики стиха, находила свое выражение не только в стихах, но и в теоретических построениях, в частности — в тех стиховых схемах, которые эти авторы использовали в своих литературных произведениях, а иногда размещали рядом с текстом; обращение к таким схемам или заменяющим их описаниям мы будем рассматривать как форму выражения синтетизма личности поэта-стиховеда.

Так, первый русский теоретик стиха В. К. Третьяковский ряд своих художественных произведений сочинил, как он сам выражался, «для опыта»: таким подзаголовком снабжены его «Несколько эзоповых бесенок», «составленные» «гексаметрами иамбическим и хорейским». Примерами из собственных стихотворений, иногда специально сочиненными для этой цели, Третьяковский иллюстрирует свои теоретические положения в стиховедческих трактатах, помещая при этом свои стихи рядом с их схемами («как в образце следующего моего двустишия»). Подобным образом поступает и М. В. Ломоносов в своем знаменитом «Письме о правилах российского стихотворства»: «Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания».

Следующий шаг делает А. Х. Востоков: он не только насыщает стихотворными примерами собственного сочинения «Опыт о русском стихосложении», но и в своих «Опытах лирических» (1805–1806) предпосылает метрические схемы нескольким своим стихотворениям, написанным логаядическими размерами; в ряде случаев метрические схемы помещены автором в примечаниях к конкретным стихотворениям.

Позднее, в период романтизма и реализма совмещение поэта и стиховеда в одном лице встречается крайне редко; соответственно, стихи и схемы в рамках одного текста практически исчезают из худо-

жественных текстов. Исключение составляют поэты-переводчики, иногда снабжающие свои тексты стиховедческими комментариями (Д. Ознобишин, А. Фет и др.). Однако в контексте так называемого Серебряного века подобное совпадение вновь становится актуальным: прежде всего это относится к В. Брюсову и А. Белому. Последний создает беспрецедентную антологию «Опыты», в которую включает сочиненные и переведенные им самим образцы различных типов стиха и строфики. Андрей Белый, анализируя русскую поэзию и прозу, тоже привлекает для этого свои стихи, правда, наряду с классическими. Используют схемы в примечаниях к своим переводам античных авторов также Вяч. Иванов и В. Вересаев.

Особую страницу в истории взаимоотношений поэтической и исследовательской ипостаси одного автора представляет творчество поэтов-конструктивистов, апеллировавших в первую очередь к звуковой природе стиха и соответственно сопровождавших свои произведения партитурами и схемами; такие схемы мы находим в книгах и публикациях И. Сельвинского, А. Квятковского, А. Чичерина. В подавляющем большинстве случаев поэты используют теперь нотные и аналогичные им схемы для иллюстрации нового для русской поэзии акцентного стиха.

Наконец, в последние десятилетия XX в. интерес поэтов к теории стиха снова приобретает практический характер; теперь это связано в первую очередь с вниманием к свободному стиху (верлибру). Так, академик М. Л. Гаспаров, много и активно работавший с переводами на русский язык, предлагает оригинальную концепцию «конспективного верлибра», а затем активно использует его в своих переводах как европейских поэтов, так и русских поэтов-классиков на язык современной поэзии. Петербургский поэт и ученый-античник С. Завьялов, тоже предпочитающий свободный стих, создает свой цикл «переводов с русского», а в цикле подражаний античной метрике (тоже написанных свободным стихом) в каждой строке своего стихотворения обозначает его метр — точнее, фиксирует совпадение метрической природы строк верлибра с метрами античной лирики.

В это же время вновь возникают авторские энциклопедии стиховых форм, обильно снабженные примерами, в том числе и своими собственными. Сначала тот же Гаспаров выпускает несколько вариантов хрестоматий по русскому стиху Серебряного века, включая в нее (по версии М. И. Шапира) два собственных стихотворения — примеры тех форм, которые не удалось обнаружить у поэтов предыдущего рубежа веков. Приводит собственные стихотворения в качестве примеров экзотических стиховых форм в своих книгах «Зевгма» и «Рок укор» Сергей Бирюков; создает свои «Опыты» универсальных стиховедческих хрестоматий — уже только из собственных стихотворений, как и Брюсов, — петербургский поэт-экспериментатор А. Кондратов, известный смоленский стиховед В. Баевский и ивановский поэт К. Мозгалов.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Пользуются ли какими-нибудь схемами современные так называемые постмодернисты и как вы относитесь к так называемой «сайтовой поэзии»?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Явных примеров такого рода мне не встретилось. Но это связано прежде всего с тем, что схемы, как мне кажется, нужны для утверждения нового типа стиха. Для этого нужен какой-то принципиальный фон. Что касается «сайтовой поэзии», то она очень разная. Но все-таки это принципиально новая форма существования поэзии. Конечно, возможностей здесь больше: картины, фотографии и сам текст, вплоть до бегущей строки, — можно делать «живую поэзию». Но, к сожалению, подобные возможности очень мало используются сегодня. Как правило, такие сайты — просто свалка плохих текстов, хотя есть, конечно, и хорошие.

А. А. АСОЯН: — Почему вы не упомянули в связи с отрицанием тонических, стихометрических схем Арсения Тарковского?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — Нет. Я рассматривал произведения Квятковского, Чичерина и Сельвинского. Что же касается творчества Тарковского то, мне кажется, что там метрического перелома нет. А для

конструктивизма как раз это важно. Но, может быть, я и не прав. Вообще говоря, схемы встречаются время от времени. Мне просто показалось очень интересным, что возникает некоторая потребность инкорпорирования схемы собственно в текст, а не вынесение ее в комментарий. Например, если мы будем смотреть тексты П. И. Голенищева-Кутузова, то он дает в сносках объяснение, почему выбрал этот размер, именно так написал свою оду. Но это все-таки не то — вне текста, под страницей. У него очень многие оды снабжены такого рода замечаниями. И у Хвостова есть такие пометы. Я же имел в виду те случаи, когда в произведении появляется именно схема. Мне кажется, что это очень важный момент.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Можно ли считать, что это именно текст?

Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ: — С формальной точки зрения если схема инкорпорирована в текст, то не очень логично ставить ее в метапозицию. Другое дело, когда мы говорим о сносках... Но если схема — часть текста, то она предполагает настройку и произнесение. Вообще говоря, схему надо прочитывать для настройки, проскандировать, естественно. Это, скорее, терминологический вопрос: что понимать под текстом?